

производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину»¹.

Факты говорят нам именно о таком обращении с рабами, и даже сам Тарн, несмотря на свое идиллическое изображение рабства, вынужден признать, что даже вольноотпущенники были фактически лишены свободы. Так, например, рабыня, отпущенная на свободу, «могла быть закована, высечена и даже продана» (стр. 111). Если так обращались с отпущенными на волю, то естественно, что с рабами поступали не мягче.

Весьма показателен для концепции Тарна тезис о затухании классовой борьбы, о стирании граней между рабовладельцами и рабами. «Таким образом, заметен процесс ломки классовых и расовых рамок. В I в., когда богатый человек устраивал пир для своих товарищей-граждан, он часто приглашал метеков, вольноотпущенников и даже рабов» (стр. 110).

Итак, хотя Тарн и пишет о том, что рабство было фундаментом рабовладельческого общества, на практике этого не видно в его работе, да и понимание рабства и рабовладельческих отношений у него неправильно.

Подводя итог, следует сказать, что выход перевода работы Тарна можно было бы считать, несомненно, положительным явлением, если бы книга была издана так, чтобы читатель мог, взяв из нее нужный фактический материал, в то же время правильно оценить модернизаторскую концепцию автора. К сожалению, книга так не дана. Это должно быть учтено при издании переводов других работ буржуазных ученых по истории античности.

Ю. С. Кружок

G. THOMSON, *Studies in ancient Greek society. The prehistoric Aegean*, Lawrence and Wishart, 1949, 622 стр.

Английский историк античной литературы Дж. Томсон уже известен своей книгой «Эсхил и Афины» (*Aeschylus and Athens*, 2 изд., Л., 1946), вызвавшей резкую критику в буржуазной печати, хотя, вместе с тем, такие столпы английской буржуазной филологии, как Мёррей и Майрс, отмечали, что, «вопреки» своему марксизму, книга имеет и достоинства. Первые главы той книги представляли собою историческое введение в изучение общественного строя и культуры античной Греции. Теперь автор решил расширить и детализировать материал этих вводных глав и издать его в виде особого исследования в двух томах, первый из которых является предметом настоящей рецензии.

Выход книги Дж. Томсона является выдающимся событием в научной жизни современной маршаллизованной Англии, в которой преследование передовых идей мало в чем отстает от США. В предисловии автор открыто определяет свою задачу как и е р е с м о т р к у л ь т у р н о г о н а с л е д с т в а (legasy) а н т и ч н о й Г р е ц и и в с в е т е м а р к с и з м а. Он считает, что правильный исторический взгляд на культурное наследство античной Греции имеет большое значение для современной борьбы за гуманизм. Томсон считает, что изучение наследства античной Греции должно перестать быть приятным времяпрепровождением для имеющего досуг избранного меньшинства, ищущего именно в этом занятии убежища от запросов современности. «Мы должны вырвать, — заявляет он, — наше эллинское наследство из рук ученых мандаринов, — иначе оно погибнет от их ханжеского почитания» (стр. 7).

Заявление о стремлении следовать марксистскому историческому методу подкрепляется тем, что в списке использованной литературы приводятся «Капитал» К. Маркса, переписка К. Маркса и Ф. Энгельса, три работы Ф. Энгельса («Анти-Дюринг», «Диалектика природы» и «Происхождение семьи...»), «Избранные произведения» В. И. Ленина (лондонское однотомное издание) и работа И. В. Сталина «О диа-

¹ «История ВКП (б). Краткий курс», стр. 119.

лектическом и историческом материализме». Указывается также ряд работ советских ученых (Е. Кричевского, Е. А. Кагарова и др.).

Рецензируемая книга «Исследования древнегреческого общества. Доисторическая Эгеида» состоит из введения и пяти больших разделов: I. Родовой строй (Kinship); II. Матриархальные отношения (Matriarchy); III. Коммунизм (первобытный. — Б. Г.); IV. Героический век; V. Гомер. Композиция книги очень своеобразна. В первом разделе четыре главы: 1) Тотемизм, 2) Номенклатура родства, 3) От племени к государству, 4) Греческие племенные институты (правовые). Непосредственно с этим связаны две главы из третьего раздела: о земельных отношениях (гл. 1-я) и об образовании полиса (гл. 3-я). Весь второй раздел и тесно связанная с ним 2-я глава третьего раздела посвящены вопросам отражения общественных отношений в религии и мифах. Содержание последних двух разделов (IV и V) в особых пояснениях не нуждается.

В «Введении» (стр. 21—29) Томсон начинает с очень общей характеристики хозяйственной деятельности неолитического человека, вступавшего на новые территории, постепенно освобождавшиеся от ледника. Переход от собирательства и охоты к земледелию и скотоводству дан автором схематически. Далее он бегло касается древнейших очагов человеческой культуры в Нильской долине и в Двуречье. Здесь он довольно близко следует Чайльду, книга которого «Прогресс и археология» была недавно издана и в русском переводе. Лишь последние три страницы этого «Введения» касаются непосредственно Греции и Крита.

Достоинства этого «Введения» безусловно переоценены рецензентом «Communist Review» (август 1949 г., стр. 629) Б. Фаррингтоном, увидевшим здесь строго проведенную марксистскую точку зрения. Возникновение городов, как и у Чайльда, не связывается со становлением классового общества, с разрушением первобытно-общинного строя, с отделением ремесла от земледелия и скотоводства. Древнейшие города представляются Томсону прежде всего торговыми поселениями. Томсон, повторяя положение Чайльда об «урбанистической революции», говорит (стр. 26), что развитие морского транспорта будто бы открыло этой «революции» двери в Средиземноморье. Устанавливая «минойский» тип города как центра монархической власти купческо-теократического характера (монарх-купец и он же верховный жрец), Томсон относит к городам этого типа Микены, Тиринф, Фивы и Трою, но отмечает, что на континенте аристократия играла большую роль, чем на Крите. Он считает, что «урбанистическая революция» в Средиземноморье разрушила племенную структуру общества, создав зачатки его классового деления.

Во всем первом разделе можно не задерживаться на частностях. Томсон здесь добросовестно следует взглядам Моргана и отчасти Энгельса. Эпиграфом ко всему разделу он ставит слова Фукидида (I, 6) о том, что некоторые считают, будто древнейшие греки вели варварский образ жизни. Однако точку зрения Энгельса Томсон понимает очень «широко» и считает иногда вполне согласуемыми с нею некоторые взгляды Спенсера и Фрезера на происхождение тотемизма и табу.

Изложив затем весьма подробно вопрос о номенклатуре родства у различных первобытных народов Австралии, Полинезии, Америки и Африки, Томсон возвращается (стр. 78 сл.) к древним народам Средиземноморья и, прежде всего, излагает свою точку зрения на индоевропейскую семью языков. Эту семью он возводит к единому «пранароду», обитавшему в какую-то эпоху (автор ее не датирует) в обширных степях «к востоку от Украины». Ссылаясь на статью Майрса (САН, I, 83 сл.), Томсон определяет быт этого «пранарода» как кочевой пастушеский, а территорию его — как леопольдскую. В третьем тысячелетии до н. э. этот «пранарод», оставивший, по его мнению, свои следы в неолитических курганах южной России, начал распадаться и расселяться во все стороны. Однако данные языка указывают, по мнению Томсона, на знакомство «индоевропейцев» с земледелием и металлургией еще до «распадения». Исходя из ранней книги Чайльда (The Aryans, 1926) и работ Мейе, Томсон считает, что «праиндоевропейцы» состояли из ряда кланов, во главе которых находились наследственные по мужской линии вожди, а женщины целиком переходили после брака в клан мужа. В противовес традиционному толкованию буржуазных лингвистов, Томсон дает соб-

ственную интерпретацию терминов родства в латинском языке, который, по его мнению, отражает наиболее древнюю ступень среди индоевропейских языков. Здесь он пытается (в общем удачно) исходить из положений Моргана. Этот параграф заканчивается обзором мнений противников Моргана (А. Р. Редклиффа-Брауна, Крёбера, Лоуи и Малиновского) и указанием, что взгляды Моргана, расширенные (amplified) Энгельсом, развиваются теперь этнографами и археологами Советского Союза.

В третьей главе («От племени к государству») автор вновь возвращается к систематическому изложению соответствующих глав «Древнего общества» Моргана, дополняя его фактами из трудов Фрезера и в одном месте используя Энгельса и книгу Е. А. Кагарова¹. Подробно изложив проблему общественного строя ирокезов, Томсон опять применяет моргановские положения, сперва к древнейшему периоду истории Рима, вскрывая матриархальные элементы в порядке наследования царей из племени сабиниан (Нума Помпилий и Анк Марций) и из этрусских завоевателей (Сервий Туллий и Тарквиний Гордый). Римский принцип наследования Томсон считает дальнейшим развитием ирокезского и близким к древнейшему афийскому (миф о Кекропе). Далее он анализирует в сравнении с ирокезским строем римские понятия gens, curia, tribus и populus. К сожалению, Томсон не обратил достаточного внимания на исключительно важное замечание Энгельса: «Смена форм в основном изображена Морганом, экономическое содержание, порождающее эту смену форм, приходится мне большей частью добавлять»². В ряде случаев автор проходит мимо этих «добавлений» Энгельса, и от этого проигрывают его собственные выводы.

Четвертая глава первого раздела (стр. 102—146) начинается с параграфа, посвященного традиционному трехчленному племенному делению самих греков (эолийцы, дорийцы, ионийцы). Ход «дорийского вторжения» излагается по Геродоту, Павсанию и Страбону, и из их изложения выводится, что дорийский союз племен (гиллейцы, диманы и памфилы) представлял собою такое же «искусственное создание», как и populus Romanus. Трехплеменная структура была якобы перенесена дорийцами-завоевателями из Дориды в Пелопоннес, в Спарту, в то время как дорийские колонии иногда основывались только одним из племен (например, диманы в Галикарнасе). В конце указывается, что наличие четырех фил в Аттике объяснению не поддается. Не стоит говорить, как это все далеко от возможностей, какими располагает современная наука для постановки вопроса о процессе образования древнегреческих племен³.

Тут же, вне прямой связи с текстом, дана хронологическая таблица греческой доистории по Пендльбюри (Archaeology of Crete, L., 1939). Хронология эта уже нуждается в существенных уточнениях в связи с пересмотром некоторых дат древневосточной истории. Самое важное из них — передвижение начала «среднеминойского» (соотв. «среднеэлладского») периода значительно вперед, до 1800—1700 гг.

Греческий «ойкос» Томсон считает полным эквивалентом римской «фамилии» и частью «геноса». Источником понимания «ойкоса» автору служат гортинские законы и афинское законодательство о наследовании. Миф о разделе власти Кроноса между Зевсом, Посейдоном и Плутоном, по которому земля и Олимп («ойкос» богов) остались в общем пользовании, он считает отражением этого законодательства, где все движимое имущество — личное, а недвижимое — общественное.

Очень оригинальны полемические высказывания Томсона против ряда буржуазных историков по вопросу о фратриях в Аттике, возникновение которых он относит к «догреческим» временам. Он толкует их как остатки «пеласгических» материнскородовых организаций (ср. термин *βροτάλατες*), которые потеряли социально-политическую значимость после «вторжения» греков и сохранили только значимость культурную, принимая в свой состав всякого рода «изгоев» греческих родов, бродяг

¹ Е. А. Кагаров, Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев, М.—Л., 1937.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 88.

³ Ср., например, статью Р. Шмидт, Античное предание о дорийском переселении, ВДИ, 1938, № 2.

и новоселов, особенно после «демократической революции» VI в. После этой «революции», сопровождавшейся экспроприацией части земельной собственности старых аристократических родов, фратрии в Аттике, по мнению Томсона, органически вошли в состав новой организации демов по территориальному принципу. Здесь нет прямого противоречия с пониманием фратрии у Энгельса, но дело в том, что мы никак не можем резко противопоставлять население Аттики протоисторического периода каким-то гетерогенным пеласгам, которых они якобы сменили. Современная наука (история материальной культуры, изучение культов, мифов и преданий) полностью подтверждает правильность взглядов самих древних на автохтонность основного ядра населения Аттики.

Не останавливаясь на ряде параграфов, посвященных пережиткам тотемизма, родовым эмблемам, родовым и племенным культам, элевсинским мистериям и ряду других специальных проблем (стр. 114—139), где встречается интересное освещение частных вопросов, остановимся на предпоследнем параграфе этого раздела (стр. 140—146). Здесь Томсон дает подробный обзор свидетельств древних греков о формах брака и о положении женщины у ряда других народов (агафирсы, скифы-галактофаги, гелоны, геты, ливийцы и мн. др.) и делает вывод, что греки имели полное основание противопоставлять положение женщин у себя их положению у этих народов. При этом он отмечает две традиции в формулировках этого противопоставления. Более ранняя традиция, которую он считает «материалистической», представлена Эсхилом, Гиппократом и Фукидидом, слова которого о варварском периоде в жизни самих греков он, как было указано, взял в качестве эпиграфа к первому разделу своей книги. Противоположная точка зрения развивается по мере роста рабовладения: это — противопоставление греков «варварам» по своей исконной природе, достигающее апогея у Платона (и, добавили бы мы, еще усиливающееся в эллинистический период). Томсон высказывает остроумное предположение, что произведения Демокрита, Эпикура и других поздних материалистов именно потому и не дошли до нас, что они проводили первую точку зрения, ставшую «крамольной» в эпоху расцвета рабовладельческой системы. Наиболее тенденциозной фальсификацией истории социального быта греков Томсон считает «Политику» и «Афинскую политику» Аристотеля. Аристотель, по мнению автора, прекрасно понимал, что моногамная семья с безраздельным главенством мужа, экономическое благополучие которой зиждется целиком на рабском труде, не изначальна, но он, как последовательный идеолог рабовладельческого строя, сознательно умалчивал о многом. Эти мысли Томсона, может быть, и спорны, но во всяком случае очень интересны: мы часто сопровождаем имена многих античных авторов приложением «идеолог рабовладельческого класса», но, если отбросить Платона, у которого эта идеология высказывается наиболее откровенно, мы редко показываем, в чем конкретно выражалась она в сочинениях этих авторов.

В целом первый и третий разделы книги Томсона, включающие в себя все основные положения, из которых он исходит в своем понимании дальнейшей истории Греции, очень неравноценны в своих частях. Оригинальные точки зрения, исходящие в замысле из материалистического понимания истории, чередуются со случаями, когда автор еще совсем не преодолел традиций буржуазной науки и, даже полемизируя с ними, остается у них в плену. В отдельных случаях он и не полемизирует и не критикует, а просто принимает точку зрения, господствующую в буржуазной науке, как нечто само собою разумеющееся (ср. выше о его взглядах на «индоевропейский пранарод» и его «прародину», на вторжение якобы уже сложившихся этнически греков в доисторическую Грецию). Автор искренно стремится максимально использовать основные положения Энгельса об истории семьи, о родовом строе и т. д., но часто ему мешает то, что он не вполне понимает к а ч е с т в е н н у ю разницу между взглядами прогрессивного, но все же буржуазного ученого Моргана и основоположника исторического материализма в вопросах доклассового общества—Энгельса. Как мы увидим дальше, эти недостатки свойственны и другим разделам книги.

* * *

Второй раздел (стр. 149—294) посвящен матриархату доэллинской Греции и его пережиткам в протогреческой и греческой культуре. Повторяем, Томсон не проводит четкой грани между этими двумя культурными эпохами: у него только одна резкая грань — между «догреками» и греками, хотя он и признает, что первые «волны» вторгшихся греков «минонизировались», а последние «волны» (доряне) уже почти не воспринимали древней автохтонной культуры в ее целом и могли усваивать только отдельные ее элементы.

Томсон начинает изложение своей точки зрения на роль матриархата в истории человеческой культуры с приведения основных положений буржуазного социолога Р. Брифффо (The Mothers, L., 1927), заключающихся в том, что на ранних этапах дикости на долю мужчины приходилась только функция деторождения, а все элементы первобытной культуры созданы женщиной. Положение Брифффо, принимаемое Томсоном, конечно, представляет крайность, так как совершенно игнорирует хозяйственные функции мужчины эпохи дикости, особенно в охоте.

Рост значения военных столкновений вызвал, по мнению Томсона, у всех земледельческих народов, в первую очередь у скотоводческих племен, тенденцию к изменению в социальных взаимоотношениях между полами, т. е. очевидно, к переходу матриархальных отношений в патриархальные. Здесь правильно отмечается Томсоном связь образования развитого патриархата со скотоводством. Однако и в этом отношении требуется существенное уточнение. Оформление патриархата связано не с началом скотоводства (т. е. с приручением животных), а с выделением скотоводческих племен как особого типа объединений. Это положение, выдвинутое в советской науке, повидимому, раньше всего покойным Е. Ю. Кричевским, сейчас разделяется большинством советских археологов и этнографов, и ему полностью противоречит дальнейшее утверждение Томсона, что переход главенствующей роли в обществе к мужчине есть следствие изобретения земледелия. Как раз, наоборот, развитые формы материнского рода связаны с образованием примитивно-земледельческих племен. Повидимому, Томсон недооценивает того важнейшего факта, что родовому обществу (и матриархальному, и патриархальному) предшествовала долгая стадия дородового общества и что род как форма организации начал складываться не раньше начальных этапов верхнего палеолита, т. е. не раньше, чем на грани между среднею и высшею ступенью дикости по Энгельсу. Окончательно вопрос о времени возникновения рода не может считаться разрешенным и в советской науке, но существование длительной эпохи дородового общества вне сомнений, а с этим никак нельзя примирить точку зрения Брифффо, возводящую матриархат уже к самым первым этапам обособления человека от остального животного мира.

После разбора общих вопросов матриархата Томсон посвящает несколько десятков страниц фактическим данным о пережитках этого строя у современных племен (египтяне, ликийцы, карийцы и лелеги, пеласги, «минойцы», хетты). Всюду древние матриархальные народы Средиземноморья противопоставляются вторгшимся позже грекам, уже имевшим резко отличный патриархальный строй.

Опускаем очень важный, но еще нерешенный в науке вопрос о пеласгах, которым Томсон посвящает особый параграф (стр. 171—177). Перед тем, как перейти к «собцам» (стр. 183—198). Эта глава содержит, несмотря на свою гипотетичность и устарелость некоторых использованных в ней археологических обобщений, много интересного.

Мы не останавливаемся на богатстве содержания глав, посвященных религии матриархального периода в истории Греции (стр. 204—294). В них много нового, даже по сравнению с работами М. П. Нильсона, но сказать, что материалистическое понимание истории религии в них всегда выдержано, к сожалению, нельзя. Широко используются и здесь выводы уже упомянутого Брифффо со всею их крайностью и схематичностью, но многие обобщения, касающиеся ритуалов, связанных с рождением детей,

культы луны, растительной магии и т. д., основаны на самостоятельной интерпретации источников (античные авторы, надписи, археологические данные, сопоставления с современным этнографическим материалом).

* * *

В третьем разделе «Первобытный коммунизм» (стр. 295—365), общую оценку которого мы уже дали выше в связи с оценкой первого раздела, мы остановимся лишь на главе 10-й, посвященной образованию городов, т. е. зарождению полисного строя. К сожалению, Томсон здесь очень мало использовал (даже в специальном параграфе о древнейших Афинах, стр. 362—365) замечательные мысли Энгельса, изложенные в его классической главе «Возникновение Афинского государства», и предпочел конструировать собственную социально-историческую схему. Поэтому характер происхождения полиса у него совершенно не показан и совершенно смазывается качественная разница между поселениями полугородского типа, существовавшими в позднемикенский (ахейский) период (см. об этом ниже, в связи с разделом четвертым), и полисом, развившимся только в VIII—VII вв. до н. э.

Весь ход развития древнейшей формы античного города у Томсона «от племенной стоянки к городу-государству» представлен как чисто эволюционный. Томсон не понял сущности известных положений Энгельса о возникновении государства. Вместо того чтобы проследить с использованием всего огромного исторического материала, введенного в научный обиход после смерти Энгельса, «как развилось государство, частью преобразуя органы родового строя, частью вытесняя их и внедряя на их место новые органы и, наконец, полностью заменяя их настоящими органами государственной власти»¹, Томсон, так же как и Чайльд и многие другие буржуазные авторы, описывает превращение дорической «комы» и аттического «демоса», бывших по своему происхождению родовыми общинами, в «полисы» как процесс чисто количественного роста (growth). Таким представляется ему и процесс синоикизма. Томсон говорит (стр. 355—358) о развитии частной земельной собственности родовой знати получавшей лучшие наделы (τέμενοι), которые закрепляли их экономическое превосходство, но не показывает, что наряду с этим огромную роль играла и «появившаяся частная собственность на стада и роскошную утварь», которая «вела к обмену между отдельными лицами, к превращению продуктов в товары»². Ведь в этом и видит Энгельс «зародыш всего последующего переворота» (там же). Томсон не выделяет этого момента, потому что, как было указано в начале рецензии, он невероятно преувеличивает роль торговли в доклассовом обществе, уводя ее далеко в глубь эпохи ранней бронзы. При таком преувеличении роли торговли в далеком прошлом он (на стр. 357), с другой стороны, преувеличивает натуральный характер хозяйства родовой знати («собственников наделов и получателей десятины») накануне становления классового общества, игнорируя показания Гомера (сбивание ахейскими вождями своей добычи, роль сына Язона на Лемносе).

* * *

Нам остались два последних раздела — «Героический век» и «Гомер». Они не прибавят ничего существенного к тому впечатлению, которое остается от первой половины книги. Материал и в них очень богат, и в них также проходит красной нитью стремление автора истолковать по возможности все факты в духе марксизма. Этому часто мешает эклектизм, недостаточно критическое отношение к концепции буржуазных ученых.

Главы XI и XII посвящены «микенским династиям» и проблеме «ахейцев». Томсон вполне правильно начинает с постановки общего вопроса о хронологии греческой истории до начала олимпиад. Он выдвигает в качестве ее основы мифологические

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 88.

² Там же, стр. 91.

родословные в сопоставлении, с одной стороны, с данными Паросской хроники и Эратосфена, а с другой стороны, с данными истории материальной культуры.

Много места уделяет Томсон важнейшей проблеме — ахейцам (гл. XII, стр. 385—411) и вопросу о расцвете и крушении ахейского племенного союза (гл. XIII, стр. 412—432). Известно, что вопрос о трояком наименовании народа у Гомера (ахейцы—дапайцы — аргивяне) имеет большую литературу, причем против господствующего взгляда, что эти этнонимические обозначения имели разное происхождение, но к концу ахейского периода отождествились, в последнее время раздавались некоторые возражения (Вл. Георгиев и др.) и указывалось, что смешение их наступило только позже, в традиции малоазийских аэдов.

Точка зрения Томсона, ищущего центр происхождения ахейцев в Фессалии («царство» Эакидов) и отождествляющего мирмидонцев Фтиотиды с остатком ахейцев в их исконном местожительстве, кажется нам неубедительной. В данном случае метод использования мифологических родословных, примененный Томсоном, себя не оправдывает.

Последняя глава раздела начинается с попытки охарактеризовать социальный строй «ахейской державы» в его генезисе и развитии. Томсон считает, что в рамках исторической эпохи, охватывающей девять «минойских» (соотв. «элладских») периодов Эванса, завершилась эволюция от матриархально-родового быта к такому строю, в котором положение обоих полов «пришло к равновесию», но матриархат еще не был окончательно изжит: он еще продолжал существовать, но раздирался противоречиями, корень которых Томсон видит в доступности Греции (в противоположность, например, Египту) внешним влияниям и отсутствию в ней централизации. Окончательное крушение матриархата совершилось, по Томсону, под двойным давлением — внутренних противоречий строя и внешних вторжений, и оно-то и дало начало эллинской культуре исторического периода с классовым обществом и частной собственностью (стр. 412). Здесь у Томсона, при всем его эволюционизме в вопросе о развитии полиса как первой формы античного государства, получается на разбираемых нами сейчас страницах совершенно невероятный скачок — из матриархата прямо в классовое общество. Где же тогда патриархально-родовой строй и эпоха его разложения (военная демократия), из которой и вырастает государство? Здесь-то и выясняется существенный порок построений Томсона — его следование концепции «героического века», выдвинутой Чадвиком и резко отличной от концепции Энгельса, принятой советской наукой. Для нас греческий «героический век» — это период военной демократии со всеми ее основными чертами, но в то же время и со всеми особенностями, вытекающими из местных условий социально-экономического развития Восточного Средиземноморья. Для Чадвика, положение которого были развиты и доведены до крайности реакционными немецкими учеными (типа Виламовица-Меллендорфа, Бете, Каро и др.), — это специфическая социальная форма, сложившаяся «на севере» и связанная с «северной» расой. Вне признания «вторжений» греков с севера эта концепция греческого «героического века» немыслима. Реакционная концепция Чадвика оказала влияние на всех более или менее прогрессивных буржуазных ученых (Нильсона, Майрса, Чайльда, Риджуэя во 2-м томе его книги, Уэса) и сказалась, к сожалению, и на книге Томсона.

Томсон не сумел разглядеть реакционную суть концепции Чадвика, из которой закономерно вытекали бредни фашистских «ученых» об арийцах, принесших «с севера» эллинскую культуру на юг Балканского полуострова и создавших там колыбель всей европейской культуры. Мы не хотим сказать, что Томсон кладет положения Чадвика в основу всего своего изложения (он стремится оставаться марксистом), но принятие некоторых очень существенных точек зрения декларируется им самим на стр. 412—413.

Мы уже не раз указывали, что нет никаких оснований отрицать иммиграцию горно-пастушеских племен в разные периоды в разные части древней Греции. Такие иммиграции, повидимому, действительно имели место и даже в относительно больших масштабах («дорийские» вторжения, а может быть, и другие, более ранние — около XVII в.

до н. э.), но, как мы думаем, чаще имела место инфильтрация небольших групп, осевших среди автохтонов. Эти перемещения населения из областей, имевших свое собственное местное социальное развитие, несомненно, оказывали влияние на ход социального развития областей, куда эти группы переселялись, у с к о р я я, а в других случаях, может быть, и замедляя его. Но они не могли вносить ничего готового. Предпосылки дальнейшего развития создавались на месте, а не приносились откуда-то. Так в общем смотрит на дело и Томсон, когда говорит, что греческая цивилизация создана «кривисом», возникшим на ее территории в конце II тысячелетия до н. э. Но вместе с тем в отдельных конкретно-исторических его утверждениях преувеличивается цельность и законченность «вклада» «энергичной военной касты» иммигрантов, и уже без всякого основания выдвигается их «самоутверждающий индивидуализм», поправший и ассимилировавший себе «более высокую культуру» покоренных. Но ведь классовое общество зарождалось в той же ахейской этнической среде, а не появилось вместе с дорьянами. Проводя аналогию между падением микенской культуры и падением Римской империи, Томсон (стр. 481) ни разу не обращается к анализу революционных движений внутри империи, а следует обычному у буржуазных историков преувеличению роли вторжений.

* * *

Разросшийся объем нашей рецензии уже не позволит нам остановиться сколь-нибудь подробно на последнем разделе — «Гомер», который начинается главой о происхождении и разных этапах развития поэзии вообще. В ней и преувеличена роль первобытной магии, и механистически (близко к Бюхеру) трактуется вопрос о работе и ритме, и переоценивается роль подсознательного в поэтической импровизации (стр. 455). Греческий эпос выводится из ритуальных корней, и совершенно не показано специфическое отличие его корней от корней иератической поэзии и лирики. Схематична связь хоровой лирики только с аристократией, драмы — только с демократией, эпоса — только с «героической (?) монархией».

* * *

Мы указали очень большое количество недостатков книги Дж. Томсона, бесспорных, если подходить к ней с точки зрения требований строгого и последовательного проведения марксистско-ленинского исторического метода. На некоторых спорных и явно ошибочных положениях и выводах мы не останавливались. И, тем не менее, все это не зачеркивает и даже не умаляет огромного значения факта выхода этой книги в настоящий момент, когда весь мир расколот на два лагеря. Когда сейчас, в лагере империализма и атомно-долларовой дипломатии, в лагере поджигателей новой мировой войны, каждое слово в защиту передовой идеологии марксизма-ленинизма, тем более каждая попытка пересмотра целой научной области в свете этой идеологии, расценивается как коммунистическая пропаганда, угрожающая существованию капиталистической «цивилизации», — голос Томсона прозвучит очень сильно, и на его голову падет немало громов. Поэтому мы должны от души приветствовать передового ученого, мужественно возвысившего свой голос. Мы считаем также, что прорецензированная нами книга заслуживает скорейшего издания ее в русском переводе. Советский читатель, вооруженный марксистско-ленинским методом, сумеет (особенно при наличии вступительной статьи и редакционных примечаний) разобраться в ошибках Томсона, сумеет определить то, в чем он недостаточно критичен или эклектичен. Но, с другой стороны, советский читатель сумеет и использовать богатейший и часто очень оригинально интерпретированный исторический материал, подобранный и систематизированный автором для обоснования и иллюстрации своего искреннего и твердого убеждения, что единственно правильное понимание истории — это понимание материалистическое, данное в трудах Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

Б. Горнунг